

КОВЧЕГ-7

РУСЛАН САМИГУЛЛИН

Руслан Самигуллин

Ковчег-7

«Автор»

2026

Самигуллин Р. А.

Ковчег-7 / Р. А. Самигуллин — «Автор», 2026

Золотая цель. Короткий бросок. Лёгкие деньги. Так начинался обычный день для экипажа космического рейдера «Варвар». А закончился он на борту корабля, пропавшего полвека назад. На борту нет мёртвых. Но живых — тоже нет. Теперь «Варвар» сожжён. Путь назад отрезан. А тот, кто устроил эту ловушку, предлагает сделку: станьте частью чего-то большего — или превратитесь в ничто. У них есть несколько часов на выбор. И один шанс сказать «нет».

© Самигуллин Р. А., 2026

© Автор, 2026

Руслан Самигуллин

Ковчег-7

Акт I. Ошибка в шторме

Рубка «Варвара» пахла машинным маслом и застарелым кофе — той въедливой, почти органической смесью, которая на любом пиратском корыте прорастает в переборки быстрее, чем успевает высохнуть краска. Здесь, в тесном нутре старого грузового рейдера, переделанного под захват и бегство, запахи были единственной константой, не подверженной капризам гравитации или скачкам температуры. Борис Коваль сидел, закинув ноги на пульт управления, и лениво разглядывал голографический контур яхты, вращающийся над столом медленным, почти сонным движением. Тонкий, вытянутый силуэт — все сглаженные линии богатства, которое никогда не считало нужным экономить на форме. «Сияние». Хозяин — магнат Элиас Ванн, из тех, кто ворочает состояниями, не покидая спа-капсулы, и для которого космос был всего лишь дорогим фоном для грязных делишек.

— Дрейфует без хода в поясе астероидов вблизи умирающей звезды «Керес», — доложил Лис, не отрывая взгляда от своих экранов. Его пальцы двигались быстрее мысли, перебирая строки телеметрии так, будто это были струны, а сам он — музыкант, играющий по слуху. — Защита слабая, почти декоративная: стандартный контур на пассивных сенсорах, ни одной активной турели. В экипаже, со слов нашего осведомителя, пара любовниц и человек десять телохранителей, не считая пилотов. Хозяин явно уверен, что его репутация работает лучше лазерных пушек.

— Слишком жирный кусок, чтобы просто так висеть у чёрта на куличиках, — проворчал Макаров, не поднимая головы от разобранного клапана гидравлики, который он чистил уже минут двадцать с тем упрямым терпением, которое свойственно людям, повидавшим много всего, чтобы верить в слепую удачу. Антон Владимирович Макаров всегда считался скептиком, но его огромный опыт заставлял с собой считаться. Как будто стесняясь своего возраста, он никогда не любил, чтобы его называли полным именем, ограничиваясь сухостью фамилии. — Не нравится мне это, Борис. Настолько богатые люди вряд ли останавливают корабли посреди нигде.

— Тебе никогда ничего не нравится, старик, — Борис поднялся, разминая плечи. Шрам через левую бровь дёрнулся, когда он усмехнулся — старая отметина, оставшаяся с тех времён, когда он ещё носил форму планетарной пехоты и подписывался не «капитан Коваль», а личным номером, выбитым на жетоне, который теперь пылился где-то в рундуке. — Богачи тупые. Они думают, что их деньги и власть пугают окружающих сами по себе. Хенк, Ханс — готовьте броню и зарядите батареи скафандров. Грета, проверить оружейку и подготовку взрывчатку.

— Уже готова, — отозвалась Грета от дальней переборки, не поворачиваясь. Она сидела на корточках перед раскрытым оружейным шкафом, методично проверяя каждый плазменный карабин — предохранитель, заряд, ствол на просвет — с той же скрупулёзностью, с какой хирург готовит инструменты перед операцией, зная, что от каждой мелочи может зависеть чужая жизнь. Имплант на месте её левого глаза тускло засветился зелёным, когда она сверялась с внутренним чек-листом, невидимым для всех, кроме неё самой. Грета была женщиной, чьё лицо редко выражало что-либо, кроме деловой сосредоточенности, но сейчас, в полумраке рубки, Свену почудилось, что её плечи чуть заметно напряглись, будто она чувствовала то же, что и Макаров: неправильность, затаившуюся за внешней лёгкостью добычи.

Свен стоял у иллюминатора, глядя, как пояс астероидов медленно проворачивается за стеклом — россыпь обломков на фоне мёртвой пустоты, пылающей отражённым светом близкой звезды. Он был на «Варваре» уже четвёртый месяц, и это его первый настоящий abordaj

— не считать же таковым захват безоружного грузовика с консервами, который случился в его вторую неделю службы на борту. Тогда он так и не понял, что именно делает: просто повторял за другими, как обезьяна, и только потом, в душевой, когда смывал чужую кровь с комбинезона, осознал, что переступил черту, за которой нет возврата. Теперь эта черта казалась уже столь призрачной и почти нереальной.

Из медотсека, застёгивая на ходу аптечную сумку, вышел Док — грузный, немолодой мужчина с вечно усталым, будто заранее разочарованным в исходе любого дела выражением лица. Он окинул взглядом приготовления команды и покачал головой с той характерной обречённостью, которая давно стала его фирменным знаком.

— Очередной абордаж, очередная партия огнестрельных ранений, которые мне потом зашивать, — проворчал он, проверяя заряд в переносном медицинском сканере. — Хоть бы раз взяли что-нибудь без единого выстрела.

— Не каркай, Док, — отозвался Хенк, ухмыляясь. — Богачи почти безоружны, так что сегодня ты останешься без работы.

— Именно это меня и пугает больше всего, — сухо ответил Док. — Скучающий пират опаснее раненого.

— Проверка скафандров, — скомандовала Грета своим ровным, бесцветным голосом, каким она всегда отдавала команды — так, будто читала список покупок. — Свен, застёжки на груди у тебя перекошены. Переделай.

Свен покраснел и торопливо перетянул ремень. Грета не была злой — просто у неё не было времени на снисходительность к новичкам, а мест для ошибок в её мире не существовало вовсе. Он знал, что она потеряла глаз в какой-то давней перестрелке, и что имплант — не роскошь, а необходимость, но никогда не решался спросить подробности. На «Варваре» не принято было копаться в прошлом друг друга; каждый носил свой груз молча, как трюмный балласт.

— Расслабься, малец, — Хенк хлопнул его по плечу тяжёлой перчаткой, отчего Свен едва не оступился. Хенк и его брат Ханс были похожи настолько, что различить их можно было только по манере говорить: Хенк чуть растягивал слова, а Ханс вовсе предпочитал молчать, ограничиваясь короткими кивками. Говорили, что в детстве они были неразлучны, как сиамские близнецы, и даже теперь, во взрослой жизни, действовали синхронно, без команды, будто читая мысли друг друга. — Яхта. Богачи. Дело на десять минут, а потом ты сможешь хвастаться в баре. И не забудь про выпивку — капитан угощает после каждого удачного дела, это традиция.

— Если будет чем хвастаться, — буркнул Макаров, наконец отложив клапан и вытирая руки о промасленную ветошь. Он поднялся, и в его движениях чувствовалась та же осторожная, экономная сила, что и у старого волка, который давно перестал бросаться на каждую тень, но готов встретить настоящую угрозу без колебаний.

Борис поймал его взгляд.

— Двадцать лет, старик, и ты каждый раз ждёшь конца света.

— Двадцать лет на этом корыте — вот почему я до сих пор жив, — отрезал Макаров. — Разница между старым пиратом и мёртвым пиратом ровно в том, что первый слушает, когда ему говорят «не нравится». И я тебе говорю: этот корабль слишком удобно для нас проложил маршрут, минуя оживлённые трассы. Слишком...

Он запнулся, подыскивая слово, и наконец выдавил:

— Чересчур заманчиво.

Борис не ответил — просто кивнул Лису, и тот вывел координаты сближения на общий экран. Красная точка цели медленно ползла к центру, и Свен почувствовал, как в груди шевельнулось что-то среднее между азартом и страхом.

Прежде чем разойтись по постам, они, как повелось на «Варваре» перед каждым серьёзным делом, собрались на пару минут в кают-компании — не по уставу, просто по привычке, выработанной годами совместной жизни в тесноте крошечного корабля. Макаров разлил остатки крепкого чая по железным кружкам. Чай был горьким, почти чёрным, и Свен каждый раз морщился, но пил, потому что отказ мог быть воспринят как слабость.

— За удачу, — сказал Хенк, поднимая кружку.

— За то, чтобы вернуться в полном составе, — поправил его Ханс — редкий случай, когда он произнёс больше двух слов подряд. Голос у него был низкий, хриплый, будто он говорил через слой ваты.

Грета молча чокнулась своей кружкой с кружкой Свена, и в этом жесте было больше тепла, чем во всех её обычных инструкциях вместе взятых. Свен помнил, как полгода назад, ещё на станции, где он подрабатывал грузчиком в доках, ему предложили место на «Варваре» после драки, в которой он неожиданно для себя показал, что умеет держать удар лучше, чем выглядела его худошавая фигура. Тогда он не думал, что окажется здесь, среди людей, которые за несколько месяцев стали ему ближе, чем родная семья, которую он почти не помнил. Отец умер, когда Свену было семь, мать сгинула в долговой яме, и станция стала его домом — до тех пор, пока Борис не сунул ему в руку контракт и не сказал: «Подпишешь — и у тебя будет крыша над головой, еда и дело. Не подпишешь — возвращайся к своим контейнерам, мальчик. Выбор за тобой».

— Ты чего задумался, малец? — спросил Макаров, заметив взгляд, устремлённый в пустоту.

— Ничего, — соврал Свен. — Просто нервничаю.

— Это нормально, — сказал старик неожиданно мягко. — Тот, кто не нервничает перед абордажем, либо врёт, либо давно мёртв внутри. Держись рядом со мной, если что. Я хоть и старый, но в спину не ударю.

Док, до этого молча прихлёбывавший чай в стороне от общего разговора, вставил своё обычное:

— Если кого-то зацепит — тащите ко мне сразу, а не как в прошлый раз, когда Лис полчаса решал, стоит ли жаловаться на царапину, прежде чем показать её мне.

— Это была не царапина, а рана в два сантиметра, — обиженно возразил Лис.

— Для меня это была царапина, — невозмутимо парировал Док, и по кругу прошёл сдержанный смешок.

Борис допил чай одним глотком и поставил кружку на стол с решительным стуком, будто ставя точку в затянувшемся моменте покоя. Лис отставил кружку и потёр руки в предвкушении, которое не покидало его перед любым делом, обещавшим наживу. Он был самым молодым после Свена, но уже успел прослыть отличным навигатором и законченным циником, считавшим, что деньги — единственная реальная валюта во вселенной, а всё остальное — лишь средства для их добычи.

— Кстати, капитан, а как будем делить с хозяином яхты, если он окажется сговорчивым? — спросил он с той характерной ухмылкой, которая появлялась у него всякий раз, когда речь заходила о деньгах. — Может, обойдёмся без лишнего шума, возьмём выкуп и отпустим его целым и невредимым? Меньше трупов — меньше внимания патрулей. Да и живой богач платит лучше мёртвого, это аксиома.

— Посмотрим по обстановке, — уклончиво ответил Борис. — Сперва возьмём корабль, а уже потом будем думать о переговорах.

— Ты всегда так говоришь, — заметил Лис, — а потом почему-то оказывается, что переговоры ведёт твой карабин. Но я настаиваю: если у него есть деньги, лучше взять их миром. Мы не мясники, мы бизнесмены.

— Карабин убедительнее слов, — пожал плечами Борис под общий сдержанный смех, который на мгновение разрядил напряжение, повисшее в отсеке. Даже Макаров позволил себе короткую усмешку, хотя в глазах его по-прежнему таилась тревога.

— Ладно, семья, — сказал Борис с той кривой, ничего не боящейся усмешкой, которая была его фирменным способом разгонять напряжение. — Хватит сантиментов. Идём собирать бабки.

Они поднялись, затягивая последние ремни и проверяя оружие. Свен на мгновение задержался у иллюминатора, бросив последний взгляд на россыпь астероидов. Ему показалось, или в самой глубине пояса, там, куда не достигал свет ближайшей звезды, что-то темнело — не камень, не обломок, а нечто более правильной гладкой формы. Но он отогнал это видение, решив, что это просто игра света и усталых глаз.

Сближение шло гладко — слишком гладко, как позже понял Свен, будто сам вакуум сговорился не мешать им. «Варвар» крался сквозь пояс астероидов, прячась за тенями крупных обломков, и каждый манёвр Бориса был выверен до миллиметра. На экранах цель росла медленно, превращаясь из точки в сигарообразный силуэт, и Свен уже различал отблески солнечных панелей на её корпусе. Он сжимал поручень так, что костяшки побелели, и чувствовал, как под рёбрами пульсирует адреналин — тот самый, который превращает страх в готовность действовать, если повезёт, или в паралич, если нет.

И в этот момент экраны разом взвыли — резким, режущим сигналом, от которого у Свена свело зубы и на мгновение потемнело в глазах. Тревога захлестнула рубку, и он увидел, как лицо Лиса, до этого расслабленно-самоуверенное, исказилось гримасой ужаса.

— Скачок ионного излучения! — заорал Лис, вцепившись в консоль обеими руками так, будто она могла спасти его от того, что приближалось. — Это не яхта светится, это... твою мать, это корональный выброс! Нейтронная звезда! Прямо за туманностью! Она была отмечена как угасающая, но она, блин, не погасла!

Никто в лоциях этого сектора не отметил ту самую погасшую нейтронную звезду, притаившуюся за плотной пылевой туманностью, — старую, немую, давно вычеркнутую из всех активных каталогов как безопасный ориентир. Её гравитация была слабой, излучение — ничтожным, и инженеры, составлявшие карты столетия назад, сочли её мёртвой. Но они ошиблись. Она оставалась способной выплюнуть волну заряженных частиц с той внезапностью, с какой пробуждается зверь, которого все давно считали мёртвым, — и сейчас этот зверь открыл пасть прямо перед ними.

«Варвар» тряхнуло так, что Свена швырнуло на переборку, и он едва успел выставить руку, чтобы не удариться головой о выступающую панель. Где-то сзади что-то громко звякнуло — кружка Макарова, оставленная на столе, покатила по полу, и Свен успел заметить, как старик с неожиданной для его возраста ловкостью подхватил её на лету.

— Уходим! — крикнул Борис, вцепившись в штурвал так, что побелели костяшки. Его голос оставался командным, но в нём прорезалась хрипотца — та самая, что появлялась у него только в самые отчаянные моменты. — Лис, курс на разгон, любой вектор, лишь бы вырваться из фронта выброса!

Поздно. Буря накрыла их раньше, чем двигатели успели развернуть корабль хотя бы на пару градусов. Основные захлебнулись потоком заряженных частиц — Свен услышал, как они закашлялись, захрипели, а потом вовсе замолкли. Экран навигации заполнился белым шумом, и Свену показалось, что он смотрит в глаза самому хаосу: точки, линии, ложные контуры плясали в ионизированном мареве, как рой мошкары вокруг фонаря, и ни одна из этих точек не была реальной.

— Слепые! Мы полностью слепые! — Лис бил по клавишам с остервенением, пытаясь выцепить хоть что-то из хаоса помех, но всё, что выдавала система, было мешаниной противоречивых сигналов. — Радар рисует цели там, где их нет, а где они есть — не видит ни черта! Мы как в тумане, капитан, как в чёртовом молочном тумане!

Корабль трясло без остановки — глухие удары доносились отовсюду, будто невидимый великан колотил по корпусу кулаками. Где-то на нижней палубе взвыла сигнализация разгерметизации — предупреждение о микротрещине в обшивке, но в общем гуле тревоги она звучала как реквием, как голос корабля, который говорил: «Я больше не могу». Свену показалось, что он слышит, как стонет металл, как переборки скрипят под напором невидимых сил, и на мгновение он закрыл глаза, готовясь к тому, что сейчас их всех раздавит, разорвёт, рассеет по космосу, как пыль.

И тут — сигнал. Мощный, уверенный, он пробился сквозь бурю грубой силой передатчика, настолько древнего образца, что современные системы «Варвара» с трудом его опознали. Он не был похож на обычный аварийный маяк — не было в нём той стандартной, протокольной пульсации, которую ожидаешь от транспортного судна. Он бил ровно, тяжело, как удар колокола, и Свен почувствовал, как этот ритм отдаётся у него в груди, совпадая с сердцебиением.

— Похож на маяк, — сказал Лис, хотя голос его звучал неуверенно — слишком уж мощным был этот сигнал для маломерного судна. — Мощность зашкаливает. Это не гражданский маяк, капитан. Это военный — или что-то очень близкое к нему. Мы не слышали его раньше из-за фонового шума. Зато сейчас...

— Веди нас туда, скорее! — приказал Борис. — Судя по расстоянию они ближе, чем любой из проклятых астероидов. Укроемся за их корпусом от бури, переждём, а там разберёмся. Даже если это ловушка — лучше встретить её лицом к лицу, чем сгореть в этой чёртовой плазме.

Только благодаря маневровым двигателям «Варвар» сумел выйти на сближение практически вслепую, доверяя только направлению сигнала и грубой интуиции Бориса, годами наработанной в похожих переделках. Он вёл корабль так, как слепой ведёт слепого — с той смесью отчаяния и веры, которая либо спасает, либо убивает, но никогда не оставляет равнодушным. Свен смотрел на его профиль, освещённый красными аварийными огнями, и впервые заметил, как сильно капитан постарел за последние месяцы: седина у висков стала гуще, морщины вокруг глаз — глубже.

Из мглы, разрываемой вспышками статики на внешних камерах, проступил силуэт — огромный, тёмный, слишком огромный для яхты, слишком огромный для чего угодно, что могло бы дрейфовать здесь без сопровождения. Он возник внезапно, будто материализовался из ничего, и Свен услышал, как кто-то из команды — кажется, Лис — судорожно вздохнул. Таинственный корабль почти не отражал свет, и только редкие оспины метеоритных отметин на его броне выдавали очертания.

— Капитан, это не «Сияние», — прошептал Лис. — Это что-то другое. Что-то огромное. Я не узнаю класс, но размеры... это не яхта, это транспортник. Колониальный, судя по пропорциям. Старый, очень старый.

Шторм не давал рассмотреть детали, а выбора уже не было — маневровые едва слушались, искалеченные потоком частиц, обшивку продолжало трясти вторичными разрядами.

— Жёсткая стыковка! — рявкнул Борис. — Аварийные когти на корпус, живо, пока нас не размазало по этой громадине! Макаров, готовь шлюз, Свен — подстрахуй!

Свен вцепился в поручень обеими руками, глядя, как с пугающей быстротой приближается исполинский тёмный борт. Ему показалось, что они врежутся, разобьются вдребезги. Но Макаров вовремя активировал аварийные захваты, и глухой удар прошёл через весь корабль, отдавшись в позвоночнике. Когти впились в чужую металлическую плоть с визгом, от которого Свену захотелось заткнуть уши, а затем — тишина. Внезапная, звенящая тишина, нарушаемая

только затихающим воем аварийной сигнализации и тяжёлым дыханием восьмерых человек, которые только что смотрели смерти в лицо и не отвели взгляда.

Несколько секунд в рубке никто не двигался. Свен чувствовал, как сердце колотится где-то в горле, и как руки, всё ещё сжимающие поручень, дрожат мелкой, неконтролируемой дрожью.

— Все живы? — спросил Борис.

Ответом ему стал нестройный хор голосов. Макаров крикнул, подтверждая своё существование, Грета коротко сказала «Да», Лис выдавил что-то невнятное, Хенк и Ханс переглянулись и синхронно кивнули. Свен просто выдохнул — шумно, судорожно, и этот выдох был громче всех слов.

Борис откинулся на спинку кресла, чувствуя, как отпускает адреналин, и на секунду прикрыл глаза. Такие моменты — секунды после того, как опасность миновала, а разум ещё не успел до конца поверить в собственное спасение — всегда напоминали ему один и тот же эпизод из армейской юности: первый бой, в котором снаряд разорвался в трёх метрах от окопа, и он точно так же сидел потом, оглушённый, не веря, что до сих пор дышит. Тогда рядом с ним оказался сержант, старый, битый ветеран, который сказал одну простую вещь: «Живой — значит, повезло. Не гений, не герой. Просто повезло. Не путай одно с другим, иначе однажды удача отвернётся, а ты будешь стоять и удивляться, почему она тебя покинула». Борис запомнил эти слова на всю жизнь, и сейчас они отзывались в нём с новой, горькой силой.

Он открыл глаза и обвёл взглядом рубку — Лиса, всё ещё бледного и трясущегося, Макарова, который уже деловито проверял показания стыковочных захватов, будто ничего не случилось, Грету, проверяющую боезапас своей крупнокалиберной винтовки, и Свена, чьё лицо выражало смесь ужаса и восторга, свойственную только очень молодым людям после первой встречи со смертью, из которой они вышли невредимыми. В глазах парня Борис увидел то же выражение, что и у себя когда-то, в том окопе, — и это зрелище было одновременно утешительным и тревожным.

«Не путай одно с другим», — подумал он про себя и поднялся с кресла.

— Ладно, — сказал он вслух, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем он себя чувствовал. — Раз уж всё равно застряли здесь на время бури, глянем, что это за посуда. Кто-то явно включил маяк не для того, чтобы его игнорировали. Раз уж он спас нам жизнь, будет невежливо не поблагодарить его хозяев — если они, конечно, ещё здесь. Грета — первой на шлюз, остальные — с оружием, по одному. И не расслабляться. Этот корабль выжил в буре, которая чуть не разорвала нас, — значит, он крепче, чем выглядит. А крепкие корабли редко пустуют просто так. Хотя, если там всё же найдётся хозяин, который нас угостит хорошим ромом, я лично готов простить ему даже отсутствие красной дорожки.

Шутка вышла плоской, и никто не засмеялся. Только Макаров хмыкнул — не то одобрительно, не то скептически — и первым направился к люку, волоча за собой тяжёлый ящик с инструментами и взрывчаткой, которые брал с собой на вылазки. Инструмент нужен был всегда, особенно он любил носить на поясе тяжёлый разводной ключ, а вот куча тротила позволяла после «дела» скрыть все следы в огненном шаре, оставшемся от несчастной жертвы.

Свен двинулся за ним, чувствуя, как под ногами вибрирует металл — низко, ровно, будто сам корабль дышал.

Он не знал тогда, что через несколько часов это дыхание станет для него единственной реальностью, а тишина — самым страшным звуком, который он когда-либо слышал.

Акт II. Внутри

Люк вскрылся с протяжным шипением выравнивающегося давления — звук был долгим, почти жалобным, будто сам корабль неохотно разжимал сомкнутые веки. Свен ступил на чужую палубу и первое, что он почувствовал, — холод. Не тот холод, что царил в открытом

космосе за бортом, а иной, застоявшийся, въевшийся в сам воздух, в переборки, в каждую молекулу атмосферы, которая не менялась десятилетиями. Этот холод был плотным, тягучим, будто здесь, внутри, время текло иначе — медленнее, вязче, и успело остыть до самого основания.

Луч фонаря выхватил из темноты обшарпанные переборки — никаких шёлковых обивок, никакой позолоты, только голый, утилитарный металл, покрытый слоем пыли толщиной в палец. Пыль лежала везде: на полу, на стенах, на выступающих трубах и кабельных жгутах, свисающих с потолка, как мёртвые змеи. Она была серой, однородной, и когда Свен сделал шаг, его нога утонула в ней почти по щиколотку, подняв облачко, которое повисло в воздухе, медленно оседая обратно. В этом облачке, подсвеченном фонарём, кружились крохотные металлические искры — частицы, которые когда-то были частью этого корабля, а теперь дрейфовали в его лёгких, как призраки давно ушедших голосов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.